

но, тем не менее, доходы распространителей стабильно высокие, что удерживает многих в занятии этим видом противоправной деятельности. В стране развиваются и набирают силу наркотические кланы, представители которых вмешиваются в экономику, политику, как отдельных регионов, так и страны в целом [24, с. 5].

В пятых, происходит глобализация и объединение усилий в транснациональном обороте наркоти-

ков и слияние с международным терроризмом. Так, в последние годы Россия стала притягательной для международной наркомафии не только тем, что по ее территории успешно переправляются наркотики, следуя транзитом в другие страны, но и тем, что она превратилась в огромный рынок сбыта наркотических и психотропных веществ. Поставка наркотиков осуществляется из ближнего и дальнего зарубежья.

Литература

1. Кузнецова Н.Ф. Значение преступных последствий. М., 1958.
2. Кудрявцев В.И. Объективная сторона преступления. М., 1960.
3. Михлин А.С. Последствия преступления. М., 1969.
4. Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне преступления. Красноярск, 1991.
5. Землюков С.В. Уголовно-правовые проблемы преступного вреда. Новосибирск, 1991.
6. Наумов А.В. Уголовное право. Общая часть. М., 1996.
7. Фефелов Л.А. Общественная опасность преступного деяния // Советское государство и право. 1977. № 5.
8. Фефелов Л.А. Механизм уголовно-правовой охраны. М., 1992.
9. Фефелов Л.А. Общественная опасность деяния состоит в его прецедентном характере // Практика применения уголовного законодательства России. Екатеринбург, 1998.
10. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология. Общая часть. Красноярск, 1997.
11. Никитина В. Чистка мозга для наркоманов // Аргументы и факты. 2000. № 1–2.
12. Фридман Л.С., Флеминг Н.Ф., Роберт Д.Г., Хайман С.Е. Наркология. М.; СПб., 1998.
13. Нейк А. Наркотики. М., 2001.
14. Коркина М.В., Лакосина Н.Д., Личко А.Е. Психиатрия: Учебник. М., 1995.
15. Колесов Д.В. Антинаркотическое воспитание. М., 2001.
16. Романова Л.И. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика наркотизма. Владивосток, 2005.
17. Прохорова М.Л. Наркотизм: уголовно-правовое и криминологическое исследование. СПб., 2002.
18. Колесов Д.В. Антинаркотическое воспитание. М., 2001.
19. Романова Л.И. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика наркотизма. Владивосток, 2005.
20. Преступность и правонарушения (2000–2004). Статистический сборник. М., 2005.
21. Российская газета. 2005. 9 ноября.
22. Майоров А.А., Калинин В.Б. Наркотики: преступность и преступления. СПб., 2002.
23. Позднякова М.Е. Наркомания как форма девиантного поведения. М., 1997.
24. Булатов Р.М., Шеслер А.В. Криминологическая характеристика и профилактика преступности, связанной с незаконным оборотом наркотических средств. Казань, 1999.

И.П. Галыгина

РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НАРУШЕНИЕ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Новокузнецкий филиал Кемеровского государственного университета

Неприкосновенность частной жизни – сравнительно молодой институт для российского законодательства. Такое «невнимание» к данному праву со стороны законодателя можно объяснить тем, что оно свойственно демократическим государствам, а

в России демократические перемены в том смысле, который им придается современниками, начались только с 1861 г. – года отмены крепостного права. Эта отмена изменила систему российского законодательства, сделав его ориентированным на демок-

ратизм, повлекла изменения и в системе правосудия.

В силу произошедших реформ в России во второй половине XIX в. была установлена уголовная ответственность за вторжение в частную жизнь человека. Ст. 1039 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» в редакции 1866 г. предусматривала ответственность за диффамацию. Под ней понималось распространение порочащих сведений о частной жизни лица, которые составляют тайну: «оглашение в печати о частном или должностном лице, или обществе, или установление такого обстоятельства, которое могло повредить их чести, достоинству и доброму имени» [1, с. 513]. При этом не имело значения, соответствовали ли разглашенные сведения действительности или же являлись ложными, однако они обязательно должны были быть порочащими, то есть содержать факты о таком поведении лица, которое порицалось обществом и могло вызвать негативное отношение к этому лицу со стороны его членов. В связи с такой формулировкой диспозиции нормы, объектом диффамации выступали честь, достоинство и доброе имя потерпевшего. Интересен тот факт, что в качестве потерпевшего от данного посяательства могло выступать не только физическое лицо («частное или должностное»), но и юридическое, так как в диспозиции статьи говорится не только об указанных лицах, но также об «обществе», оглашение сведений о котором могло повредить его «доброму имени», под которым понималась деловая репутация.

Объективная сторона этого преступления включала в себя два вида действий: оглашение (причем обязательно совершенное определенным способом – в печати – что можно расценивать как публичное) и установление обстоятельства. Оглашение в печати представляло собой публикацию в печатном органе (газете, журнале и т.д.), а установление обстоятельства предполагало собирание порочащих сведений. Иные действия, совершаемые с данными сведениями, не были криминализованы.

Субъектом диффамации могло выступать любое лицо, способное нести уголовную ответственность. Субъективная сторона, несмотря на то, что сама статья не содержала прямого указания на форму вины, характеризовалась умышленной виной.

В иных случаях преступный характер разглашение сведений, составляющих личную тайну, приобретало только тогда, когда сведения были получены виновным противозаконным способом, либо разглашались с целью оскорбления лица, то есть могли носить оскорбительный, унижающий честь и достоинство лица характер. Так, ст. 137 «Устава о наказаниях», налагаемых мировыми судьями, предусматривала ответственность за «разглашение, с намерением оскорбить чью-либо честь, сведений,

сообщенных втайне, или же узанных вскрытием чужого письма или другим противозаконным образом» (см.: [2, с. 412]). В данном случае имел значение способ получения разглашаемых сведений: они должны были быть «сообщенными втайне» (причем не конкретизировалось, кому именно – лицу, которое их разглашает, либо иному лицу), либо указанные сведения должны были получены путем нарушения тайны переписки (узаны «вскрытием чужого письма»), либо иным «противозаконным образом» (например, похищены).

Субъектом данного преступления также могло выступать любое лицо, способное нести уголовную ответственность.

Хотя в диспозиции данной статьи, как и в случае с диффамацией, не содержалось указание на форму вины, наличие в ней в качестве конструктивного признака указания на цель – «намерение оскорбить чью-либо честь», позволяет судить о том, что данное преступление также могло быть совершено только умышленно, при чем умысел должен быть прямым.

«Уголовное Уложение» 1903 г. расширило круг преступлений, связанных с нарушением неприкосновенности частной жизни лица. Они были предусмотрены в двух главах данного нормативно-правового акта: гл. 28 «Об оскорблениях» и гл. 29 «Об оглашении тайн». Ст. 541 гл. 29 «Об оглашении тайн» гласила следующее: «Обязанный по своему званию хранить в тайне доверенное ему сведение, виновный в умышленном оглашении онаго, без достойных уважения причин, если при том оглашенное сведение могло причинить имущественный ущерб или опозорить лицо, к коему оно относилось, и виновный не подлежит за сие оглашение наказанию как за оскорбление» [3].

Указание в статье на *возможный* вред в виде имущественного ущерба или опозорения позволяет сделать вывод о том, что в качестве объекта преступления могли выступать не только честь и достоинство лица, но и имущественные отношения. Кроме того, в диспозиции статьи указывалось на определенный характер разглашаемых сведений: они должны быть либо позорящими, либо их содержание таково, что при разглашении могло причинить имущественный ущерб. Однако при этом сведения не должны были носить оскорбительный характер: привлекаться к уголовной ответственности по ст. 541 лицо могло только в том случае, если совершенное им деяние не содержало признаков иного состава преступления – оскорбления.

Объективная сторона оглашения представляла собой действие в форме разглашения указанных выше сведений. В диспозиции статьи не содержалось указания на способ оглашения, поэтому можно сделать вывод, что уголовной ответственности

лицо подлежало как в случае публичного разглашения сведений, так и в случае сообщения этих сведений хотя бы одному лицу.

В составе преступления, предусмотренного ст. 541 «Уголовного Уложения» 1903 г., в отличие от иных составов, был предусмотрен специальный субъект. В указанном качестве могло выступать только то лицо, которое получило доступ к разглашенным им сведениям в силу своего профессионального или служебного положения, и было обязано сохранять их как тайну.

С субъективной стороны рассматриваемое преступление представляло собой умышленное деяние, что прямо указывалось в статье.

Следует отметить, что в ст. 541 «Уголовного Уложения» было предусмотрено специальное основание освобождения от уголовной ответственности за оглашение тайн. Условием освобождения в данном случае являлось «наличие достойных уважения причин» для разглашения сведения о частной жизни лица, составляющих тайну. Закон не содержал определения обстоятельств, которые могли быть признаны «достойными уважения». Предполагалось, что решение данного вопроса оставалось на усмотрение органов правосудия.

Ст. 531 «Уголовного Уложения» 1903 г. предусматривала ответственность за «опозорение разглашением». Следует отметить, что в Уложении «понятие «опозорение» обнимало одинаково как клевету, так и диффамацию соответствующего права» [3, с. 260]. То есть, для привлечения лица к уголовной ответственности, не имело значения истинны или ложны были оглашенные сведения, и при совершении данного преступления виновный не освобождался от уголовной ответственности в случае представления доказательств истинности сведений, если они относились «к частной или семейной жизни опозоренного». Объектом преступления выступали, в первую очередь, честь и достоинство потерпевшего. В качестве дополнительного объекта, в том случае, если позорящие лицо сведения соответствовали действительности, выступала частная жизнь лица.

Объективную сторону составляло распространение сведений, которое должно было быть совершено виновным публичным способом. В отличие от преступления, которое предусматривалось ст. 1039 «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных», при «опозорении разглашением» публичный способ выражался не только в разглашении позорящих сведений в печати, но и в «распространенных или публично выставленных письме или изображении или публичной речи».

Субъектом преступления являлось любое лицо, обладавшее признаками общего субъекта преступления. Субъективную сторону образовывала вина в

форме умысла. Мотивы и цели для квалификации значения не имели.

После Октябрьской революции 1917 г. неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, как правовые блага, в течение длительного периода не находили отражения в нормативно-правовых актах, в том числе и уголовно-правового характера.

По словам Г. Борзенкова, ответственность за диффамацию не могла иметь места в те годы, когда считалось, что в социалистическом обществе частная жизнь должна быть открыта для критики и самокритики [4, с. 33]. Некоторые советские юристы решительно выступали против применения мер государственного принуждения к тем лицам, которые распространяют сведения о частной жизни других: «Противоречило бы моральному сознанию советского гражданина и запрещение разглашать правдивые сведения, позорящие другое лицо, хотя бы и относящиеся к частной жизни потерпевшего, так как личная жизнь советского человека не может быть только его «частным» делом» [5, с. 82–83].

Нет ничего удивительного, что в связи с такой направленностью, в первом советском законодательстве, в том числе и в уголовном, неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна не нашли отражения. Уголовные Кодексы РСФСР 1922 и 1926 гг. не предусматривали хотя бы фрагментарной защиты неприкосновенности частной жизни. Тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных сообщений провозглашена в Конституции СССР 1936 г. Однако это не обеспечило соблюдение прав советского гражданина в сфере личной жизни.

Несколько изменилась ситуация с принятием в 1960 г. и введением в действие нового УК РСФСР. В УК РСФСР 1960 г. была предусмотрена уголовная ответственность за нарушение неприкосновенности жилища (ст. 136), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений (ст. 135). Позднее УК РСФСР был дополнен ст. 124.1, которой предусматривалась уголовная ответственность за разглашение тайны усыновления и ст. 128.1, устанавливавшая уголовную ответственность за разглашение врачебной тайны. С введением в УК РСФСР этих составов преступлений стало возможным говорить об охране хотя бы некоторых аспектов частной жизни.

В 1977 г. Конституция СССР впервые ввела понятие личной жизни гражданина и провозгласила ее охрану. Однако только конституционного закрепления данного права было недостаточно. Требовался действенный механизм его обеспечения, которого на тот момент не существовало.

На основании сказанного можно сделать вывод о том, что неприкосновенность частной жизни,

личная и семейная тайна в советский период либо вообще не упоминались в законе (в том числе и в уголовном), либо в законе провозглашались и защищались отдельные ее аспекты (например, такие, как тайна связи), либо данное право декларировалось, но защита его оставалась только фрагментарной.

Изменения в сфере юридической охраны частной жизни человека произошли в 1993 г. 12 декабря 1993 г. на всенародном референдуме была принята ныне действующая Конституция Российской Федерации. Статьями 23 и 24 Конституции впервые введены такие понятия как «частная жизнь», «личная тайна», «семейная тайна». Конституция не только закрепила само право, но и установила запрет на совершение действий с информацией о частной жизни человека без его согласия. В ней, как известно, говорится: «Сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются» (ст. 24 Конституции РФ). Такие изменения были связаны с тем, что Российская Федерация была провозглашена демократическим государством, в котором чело-

век, его права и свободы признаются высшей ценностью.

В уголовном законодательстве неприкосновенность частной жизни и запрет на совершение действий со сведениями, составляющими личную или семейную тайну, нашли свое отражение в УК РФ 1996 г. В этом кодексе в гл. 19 законодатель, как известно, предусмотрел ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни лица. Ст. 137 УК РФ предусматривает ответственность за незаконное соби́рание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих личную или семейную тайну.

В целом, следует отметить, что развитие уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за нарушение неприкосновенности частной жизни, отражает стремление законодателя к закреплению в нормативно-правовых актах приоритета прав и свобод человека и гражданина. В соответствии с этим наблюдается тенденция к такому изменению норм, при котором можно говорить о реальной, а не декларативной защите частной жизни лица.

Литература

1. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. с дополнениями по 01 декабря 1881 г. СПб., 1882.
2. Российское законодательство X–XX веков. Т. 8. М., 1991.
3. Резон А. Уголовное уложение. Краткое изложение глав положений его в сопоставлении с действующим законодательством. СПб., 1903.
4. Борзенков Г. Если задета честь // Человек и закон. 1998. № 1.
5. Ной И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. М., 1959.

Е.В. Громов

РАЗВИТИЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАНАХ (США, ВЕЛИКОБРИТАНИИ, ФРГ, НИДЕРЛАНДАХ, ПОЛЬШЕ)

Юридический институт Томского государственного университета

Законодательство об уголовной ответственности за компьютерные преступления в различных странах мира существенно отличается.

Одной из первых стран мира, принявшей меры по установлению уголовной ответственности за совершение преступлений рассматриваемого вида, явились Соединенные Штаты Америки, где компьютерная преступность появилась несколько раньше, чем в других государствах.

В 1977 г. в США был разработан законопроект о защите федеральных компьютерных систем. Он предусматривал уголовную ответственность за:

– введение заведомо ложных данных в компьютерную систему;

– незаконное использование компьютерных устройств;

– внесение изменений в процессы обработки информации или нарушение этих процессов;

– хищение денежных средств, ценных бумаг, имущества, услуг, ценной информации, совершенные с использованием возможностей компьютерных технологий или с использованием компьютерной информации.

На основе данного законопроекта в октябре 1984 г. был принят Закон о мошенничестве и зло-